

Глава 15

УПАДОК ЛЕТОПИСАНИЯ ПОСЛЕ НАШЕСТВИЯ БАТЫЯ

Вторая половина XII и начало XIII в. характеризуются чрезвычайным развитием летописания. Летопись становится обычным явлением русской культурной и политической жизни. Она ведется в различных княжествах, по городам, в церквях и монастырях. Она приобретает различное литературное оформление, служит различным политическим устремлениям.

Развитие русского летописания XI—начала XIII в. представляет собою непрерывный процесс — процесс, замедленный катастрофическими событиями татаро-монгольского нашествия. Только исключительно тяжелым гнетом чужеземного ига может быть объяснена задержка в развитии русского летописания, которая наступает в середине XIII в.

Упадок летописания сказывается прежде всего в полном прекращении летописной работы в целом ряде городов, либо целиком стертых с лица земли, как старая Рязань, либо опустошенных и культурно обескровленных, как Владимир, Чернигов, Киев. Но и в тех центрах летописной работы, которые подверглись меньшему разорению, летописание все же сужается, беднеет, становится немногословным, лишается тех выдающихся политических идей и того широкого общерусского горизонта, которым обладали русские летописи в XI и XII вв.

Летописные своды второй половины XIII — первой половины XIV в. представляют собой по большей части бесхитростные компиляции. В их составлении все меньше участвует политическая воля летописца: они механически соединяют предшествующую

щие записи. Именно в этой безидейности летописания сильнее всего сказалось тлетворное влияние чужеземного ига. „Татарское иго продолжалось... свыше двух столетий, — писал К. Маркс. — Это было иго, которое не только подавляет, но растлеивает и иссушает самую душу народа, который ему подпал“.¹

1

Прямым следствием татаро-монгольского завоевания было прекращение великокняжеского летописания во Владимире. Владимир, который стал в конце XII—начале XIII в. новым общерусским центром, новой столицей Руси, сменившей Киев, лежал в развалинах. Жители захваченного Батыем в феврале 1237 г. Владимира были частью истреблены („от уного и до старца и сущаго младенца“²), частью захвачены в плен или бежали за Волгу. В 1239 г. татары вернулись и вторично разорили Владимир. Насколько серьезным было опустошение Владимира видно хотя бы из того факта, что с 1238 г. по 1274 г. во Владимир не назначали епископа. Значение религиозного центра северо-восточной Руси на время перешло к уцелевшему Ростову.

Несмотря на разорение Владимира, идеи владимирского великого княжения продолжали жить. Попрежнему часть русских князей носила титул „великих князей владимирских“, и с этим титулом попрежнему связывались представления об общерусской власти. Князья домогались этого титула, хотя, получив его, не переселялись во Владимир, а оставались жить в своих отчинах. Поэтому очень правдоподобной кажется гипотеза М. Д. Приселкова о том, что владимирское великокняжеское летописание перешло в уцелевший Ростов и здесь продолжало вестись при дворе местного епископа.³

¹ К. Маркс. „Secret Diplomatic History of Eighteenth Century“.

² Лаврентьевск. лет., 1237 г.

³ М. Д. Приселков. „Лаврентьевская летопись (история текста)“, Ученые записки Ленингр. Гос. университета, № 32, Серия историч. наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 122 и след.

М. Д. Приселков точно датирует первый владимирский свод, составленный в Ростове, — 1239 годом. Однако для такой датировки нет все же достаточных оснований. Так же точно шаткими кажутся нам и те основания, на которых М. Д. Приселков намечает и дату следующего, составленного в Ростове, владимирского великокняжеского свода — 1263 г.

Несомненно лишь одно — летописание 30-х — начала 60-х годов, отраженное в Лаврентьевской летописи, а с 1263 г. и по начало 70-х годов в Симеоновской летописи, велось в Ростове.

Рассказ о взятии Владимира татарами в 1237 г. ведется еще на основании двух отдельно ведущихся летописцев: одного ростовского и другого явно владимирского.

Вот почему сейчас годовая статья 1237 г. читается с многочисленными дублировками: дважды в ней умирает князь Юрий, дважды умирает владимирский епископ и т. д. Но затем, после 1237 г., владимирский источник ростовского летописания прекращается вовсе.

Ростовский летописец, чье летописание отразилось в Лаврентьевском списке, принадлежал, надо думать, двору ростовского епископа Кирилла. Он подробно описывает все его деяния, дает о нем биографические сведения, приводит ему неоднократно похвальную характеристику, а под 1231 г. обстоятельно рассказывает о его посвящении в Киеве и приводит ему похвалу, самый тон которой указывает на то, что она могла быть вставлена в летопись только задним числом, после смерти Кирилла (1262 г.).

Рядом с епископом Кириллом настойчиво повторяется имя ростовской княгини Марьи. Упоминание женщин-деятеley не обычно для русских летописей. И уже по одной этой настойчивости, с которой летописец отмечает имя Марьи, возникает подозрение о ближайшем отношении ее к ростовскому летописанию.

Наши подозрения обратятся в уверенность, как только мы ближе сопоставим целый ряд мелких фактов и самый характер ростовских летописных записей 20-х — 60-х годов XII в.

Княгиня Марья была дочерью черниговского князя Михаила Всеволодовича, замученного в 1246 г. татарами в Орде. В 1227 г. она вышла замуж за ростовского князя Василька, убитого татарами в 1238 г. После смерти мужа Марья продолжала жить в Ростове у своих сыновей Бориса и Глеба и своего „духовного отца“ — ростовского епископа Кирилла. По ее инициативе в Ростове было составлено житие ее отца Михаила Черниговского.¹ Она умерла в 1271 г., и с нею вместе прекращаются в 70-х годах систематические записи ростовского летописания, продолженного лишь несколькими некрологами: ей самой под 1271 г., жене ее сына Глеба под 1273 г., ее сыну Борису под 1277 г. и ее сыну Глебу под 1278 г.²

Круг интересов княгини Марьи точно очерчен ее летописным сводом. Летописец следит за деятельностью ее мужа — Василька Константиновича.³ Панегирики Васильку мы читаем и под 1231, и под 1237 гг. Под последним годом помещена его характеристика и описание его наружности: он был красив („красен“) лицом, глазами светел и грозен, „хоробр паче меры на ловех [охотах], сердцем легок, до бояр ласков“.⁴ „Кто ему служил, и хлеб его ел, и чашю пил, и дары имал“, не мог потом служить у иного князя. Он всё „гораздо“ умел, был умен и правдив: „правда же и истина с ним ходяста“, — образно выразился о нем летописец. Описание мученической

¹ См.: Н. Серебрянский. „Древнерусские княжеские жития“, М., 1915, стр. 110—111. В древнейшей пролежной редакции жития Михаила и Федора Черниговских читаем: „вложи бог в сердце благочестивыма и правоверныма нашего князема, внукома его Борису и Глебу, брату его, и матери их Марии и создаста церковь во имя его, и уставивша праздновати месяца сентября в 20 день“ (там же, стр. 51 текстов).

² См. под соответствующими годами текст Симеоновской летописи, восполняющий пропуск 1263—1283 гг. в Лаврентьевской.

³ Под 1222 г., передав прежний летописный рассказ о поражении русских на Калках, летописец выражает радость по поводу того, что Василько не успел принять участия в битве и возвратился цел в Ростов. Радость летописца кажется нам сейчас неуместной, но она понятна, если выражение ее принадлежало его жене — княгине Марье.

⁴ Лаврентьевск. лет., 1237 г.

смерти Василька и похорон его в Ростове занимает в летописи Марьи немалое место.

Летописец Марьи подробно отмечает семейные события ее жизни. Особенно пространно описано в ее летописце торжество по случаю рождения у нее старшего сына Бориса.¹ Летописец интересуется родным для княгини Марьи Черниговом, описывает его взятие и сожжение татарами, избиение жителей, бегство князей в Венгрию и спасение черниговского епископа Порфирия, отпущенного татарами в Глухове. Этого черниговского епископа Порфирия ростовский летописец не раз упоминает и в других случаях. Под 1246 г. в свод Марьи вставлен подробный рассказ о кончине ее отца Михаила Черниговского. Однажды летописец Марьи рассказывает событие, близким и интимным свидетелем которого была сама княгиня Марья: смерть князя Дмитрия Ярославича.²

Но летописание Марьи не носит узко личного характера. Оно поднимает большие общественные вопросы своего времени, правда, придав им религиозно-нравственную окраску.

В 1262 г. по ростовским городам прокатилась волна народных восстаний против татар, возродилась вечевая деятельность, по городам избивали татар, откупавших „дани“.³ „Избави Бог от лютого томленья бесурменьскаго люди Ростовския земля: вложи ярость в сердца крестьяном, не терпяще насилья поганых, изволиша вече, и выгнаша из городов, из Ростова, из Суждаля, из Ярославля“.⁴

Движение против татар, поднятое и руководимое из Ростова, было подлинно народным.⁵ Однако нельзя не видеть, что борьба за национальную независимость находила себе сочувствие и в феодальной верхушке общества.

¹ Лаврентьевск. лет., 1231 г.

² Симеоновск. лет., 1269 г.

³ А. Н. Насонов. „Монголы и Русь“, М., 1940, стр. 52.

⁴ Лаврентьевск. лет., 1262 г.

⁵ А. Насонов. „Монголы и Русь“, М., 1940, стр. 57.

Летописный свод Марьи, составленный после того, как начались восстания против татар,¹ весь проникнут идеей необходимости крепко стоять за веру и независимость родины. Именно эта идея определила собой и содержание, и форму летописи. Летопись Марьи соединяет в своем составе ряд рассказов о мученической кончине русских князей, отказавшихся от всяких компромиссов со своими завоевателями. Рассказы эти резко выделяются и своим объемом, и своим стилем в ростовском летописании Марьи.

Татары много „нудили“ Василька Константиновича стать на их сторону, „быти в их воле и воевать с ними“,² но Василько не покорился их „безаконью“, остался верен родине и был убит татарами.

Так же точно остался верен родине великий князь Юрий. Татары посылали к нему послов, предлагая мир. Но Юрий предпочел славную брань бесстыдному миру.³

Не поклонился огню и болванам татарским и князь Михаил Черниговский, убитый в Орде в 1246 г.⁴

Мученически умер и рязанский князь Роман. Татары заткнули ему рот, резали по суставам; с уже мертвого князя татары содрали кожу на голове, а голову отрубили и воткнули на копье. Роман — „новый мученик“,⁵ описание его кончины сопровождается горячим обращением к русским князьям следовать его примеру: „О възлюбленнии князи рускийи, не прелщайтеся пустошною и прелестною славою света сего,⁶ еже

¹ На это указывает характер похвалы епископу Кириллу (под 1231 г.): она могла быть составлена только после его смерти (1762 г.), случившейся одновременно с вечевыми волнениями против татар в Ростове.

² Лаврентьевск. лет., 1237 г.

³ Там же, 1239 г.

⁴ Там же, 1246 г.

⁵ Симеоновск. лет., 1270 г.

⁶ Ср. в житии Михаила Черниговского, составленном для княгини Марьи: „и прелестиша многи славою пустошною мира сего“ (Н. Серебрянский, цит. соч., стр. 50 текстов). Между летописными описаниями смерти князей Романа Рязанского, Юрия Владимирского, Василька Ростовского и житием Михаила Черниговского в ростовской редакции есть

хужьши паучины [паутины] есть и яко стень [тень] мимо и деть; не принесосте бо на свет сей ничто же, ниже отнести можете¹ и т. д. Роман ставится в пример русским князьям: мученичеством он приобрел себе царство небесное вместе со „сродником своим Михаилом Черниговским“.

Литературный образец в этих некрологов князей-мучеников отыскивается в житии Бориса и Глеба. Культ этих святых братьев широко поддерживался княгиней Марьей, назвавшей даже в честь их своих сыновей. Житие Бориса и Глеба оказало влияние и на составленное при ней житие ее отца — Михаила Черниговского. Все позднейшие рассказы о князьях, замученных татарами, в той или иной степени подверглись воздействию жития Михаила Черниговского и житийно-некрологических статей свода Марьи.

Конечно, идея летописного свода княгини Марьи не была идеей политической, в собственном смысле этого слова. Свод Марьи был лишен исторической концепции. Он ставил себе не политическую цель, а нравоучительную. Борьба с татарским игом воспринималась не как политическая задача, а как нравственно-религиозная. Вот почему он так легко превращался в собрание некрологов, выдвигая идеалы княжеской жизни в мученичестве за веру. Было бы лишним доказывать, что и такая задача в условиях, когда все было полно ужасом перед чужеземными захватчиками, когда по словам летописца и хлеб не шел в рот от страха, была полна глубокого значения, воспитывая стойкость и непримиримость, вселяя уверенность, „что не все потеряно, что внешней силе завоевателя можно противопоставить силу духа...“²

и другие общие места. Главное заключается в том, что все четыре зависят от жития Бориса и Глеба, бывшего, очевидно, весьма популярным в Ростове середины XIII в. при Марье и ее сыновьях Борисе и Глебе — одноименных святым.

¹ Симеоновск. лет., 1270 г.

² Слова Н. Серебрянского о житии Михаила Черниговского: „Древнерусские княжеские жития“, стр. 117.

Нить северо-восточного летописания конца XIII — начала XIV в. прослеживается в Лаврентьевской летописи (восполняемой в дефектных местах по Симеоновской) почти непрерывно. М. Д. Приселков считает, что на 1281 г. падает составление великокняжеского свода в Переяславле. Основания, на которые опирается М. Д. Приселков, чрезвычайно шатки, но несомненно, что несмотря на всю краткость летописных известий за эти годы, они все же стремятся охватить историю всей Русской земли.

В известиях 1272—1294 гг. Симеоновской летописи мы читаем о событиях в Переяславле, во Владимире (1275 г.), в Новгороде, в Ростове, в Ярославле, в Суздале, в Смоленске и т. д.

С 1285 г. в Лаврентьевской, Симеоновской, Рогожской летописях и в некоторых других начинается непрерывный ряд точно датированных тверских известий, указывающих на то, что в Твери было приступлено к летописной работе. Эти тверские летописные известия касаются и семьи тверского великого князя, и событий, связанных с главной тверской церковью Спаса. Сперва незначительные, они составляют затем основное содержание Лаврентьевской летописи, заканчивавшейся на 1305 г. — годе составления последнего свода — на этот раз явно тверского, — легшего в основу того текста, который в 1377 г. был переписан монахом Лаврентием для епископа суздальского Дионисия.

Замечательно, что и этот тверской свод 1305 г. соединяет летописный материал различных русских областей: Новгорода, Рязани, Ярославля. Летописный свод также стремится быть сводом общерусским, и эти попытки тверского летописания должны быть поставлены в связь с тем, что тверской князь носит в это время титул великого князя владимирского.

Конечно, попытки летописания выйти за пределы своей области ничтожны, летописный материал еще слишком скуден, записи коротки, но тем не менее именно в этих, пока еще слабых усилиях, лежала будущность великокняжеского лето-

писания, продолжавшего традиции летописания Владимира. Оно разовьется впоследствии в летописании князей Москвы, подхватившей традиции Владимира и поставившей титул „великих князей владимирских“ выше титула князей московских.

